

Перспективы социальной и экономической политики Размышления по поводу социальной концепции Русской Православной Церкви в свете Католического социально- го учения (КСУ)¹

В 1934 г. о. Сергей Булгаков, бывший тогда ректором Русской Православной Богословской Академии в Париже, в Hale Memorial выступил с докладом на тему: «Социальное учение в современном русском православном богословии». В докладе он уподобил встречу христианства с социальным миром современной эпохи, для которой характерны секулярные идеологии, встрече со сфинксом. Сфинкс (получеловек, полузверь), как известно, загадывал каждому встреченному им одну загадку. Если разгадка не находилась, то сфинкс проглатывал несчастного. Может быть, сравнение не во всем удачно, но все же оно содержит важное прозрение: дифференцированный анализ и оценка либеральной, секулярной культуры современности, ее политических и экономических предпосылок и представлений о социальном устройстве имеет центральное значение для будущего христианства. Ибо, как далее сказал Булгаков, чисто внутренние и индивидуалистические установки христианства оказываются непригодными в эпоху, когда людей волнуют прежде всего экономические вопросы. Старая позиция, когда христианство спиной поворачивается к секулярному миру, по мнению мыслителя, противоречит самому христианству.

Социальная концепция Русской Православной Церкви, принятая в августе 2000 г., в полном объеме подхватила этот вызов и изложила принципы христианской этики для политической, социальной и экономической области. Свою задачу я вижу в том, чтобы суждения экономического и социального порядка сопоставить с католической точкой зрения (преимущественно по разделам 6 и 7 [труд и собственность], 13 [экология] и 16 [глобализация]).

Я хотела бы сделать три шага, причем всякий раз предварительно будет выставлен обобщающий тезис. При этом в первом разделе я хотела бы выяснить, имеют ли церкви в принципе мандат занимать позицию по социальным вопросам. Во втором разделе дается критический анализ социальной концепции по социальным и экономическим темам. В третьем предпринята краткая критика предпосылок либерального экономического и социального устройства.

1. Заповедь любви к ближнему обязывает христиан всеми возможными средствами способствовать телесно-духовному благополучию как отдельного человека, так и всех людей. В этом состоит цель пастырского служения и диаконии. В условиях современного общества соответственно требуется, чтобы церкви также заняли фундированную богословскую и философскую позицию по вопросам политического и экономического устройства.

Христианство как пророческая религия выступает с критикой не только безверия и греховности, но и социальной несправедливости во всех ее проявлениях. Такой же была и проповедь пророков Ветхого Завета. Во Иисусе Христе, – а Он провозгласил

¹ Перевод статьи (по рукописи): Ingeborg Gabriel: Perspektiven der Sozial- und Wirtschaftsethik Überlegungen zur Russischen Orthodoxen Sozialkonzeption aus Sicht der katholischen Soziallehre (KSL).

«благоприятное лето Господне» (Лк 4:19), – эсхатологически исполнилось обетование свободы для бедных, больных и заключенных, что требует не только христианской благотворительности, как она практиковалось с ранне-христианского времени, но и – в современных условиях – критического отношения Церкви в тех случаях, когда негуманное законодательство или институты власти все еще ущемляют достоинство человека.

Однако, христианская критика негуманности и несправедливости в новейшее время подхвачена также секулярными идеологиями, и при этом она подверглась двоякому изменению. 1. Критика претерпела отделение от христианской веры, т.е. подверглась секуляризации. 2. Само представление о справедливости изменилось. Речь ныне идет не о справедливости для индивида в рамках того или другого общественного порядка, а о справедливости самого данного общественного порядка. Индивидуально-этическая ответственность *перед* нормами превращается в институционно-этическую ответственность *за* эти нормы (В. Корф [W. Korff]). Здесь согласны друг с другом социальные доктрины либерализма и марксизма, несмотря на их противоположность во всем остальном. На протяжении XIX и XX вв. в истории Европы неоднократно случались насильственные конфликты, когда на карту ставился вопрос, на основе какой идеологии следует строить справедливый общественный порядок.

Римско-Католическая Церковь перед лицом подобных конфликтов поначалу занимала оборонительную позицию. Среди прочего, это объясняется и тем, что отсутствовал философско-богословский инструментарий, с помощью которого можно было оценивать социальные идеологии новейшего времени. Но к концу XIX в. посредством селективного нового истолкования богословия Фомы Аквинского в философии естественных прав человека был заложен базис для Католического социального учения (КСУ). Он был богословски углублен на II Ватиканском Соборе, подкреплён со стороны социальных наук и практического опыта, а также обоснован исторически. Перемены отразились в определении центральной цели, как она была поставлена в Пастырской Конституции *Gaudium et spes*, согласно которой задача Церкви состоит в том, чтобы «различать знамения времён и истолковывать их в свете Евангелия» (*Gaudium et spes* 4). А под «знамениями времени» следует понимать политические, социальные и экономические тенденции, определяющие лицо эпохи. Это означает, что постоянные экономические перемены всякий раз требуют новой рефлексии над меняющейся социальной действительностью. Тем не менее основополагающие принципы остаются теми же, и высший из них состоит в защите достоинства человеческой личности.

КСУ занимает критическую позицию в сфере социальных отношений. Критика при этом не означает отвержения; по исконному смыслу, слово *критика* означает «различение»¹. При этом надо разграничивать два вида критики: критику социального положения и критику идеологий.

В сфере социальной критики речь идет о том, чтобы назвать своим именем социальную несправедливость в конкретном обществе и призвать к действию ответственных лиц. Так например, в энциклике *Regum poenitentium*, первой папской энциклике по социальным вопросам от 1891 г., содержится осуждение того, что «капитал накапливается в руках небольшой группы людей, тогда как массы народа беднеют» (RN 1, 2). Подобным образом в позднейших энцикликах содержится критика несправедливого глобального распределения благ и бедности в развивающихся странах, причем они названы «грехом, вопиющим к небу».

КСУ содержит, однако, также и критику идеологий. Католическое учение подвергает философской и богословской критике принципы и предпосылки таких идеологий,

¹ Критика производна от греч. κρίσις «сопоставление, выбор, решение, различие; суд, приговор». – *Прим. перев.*

как марксизм и либерализм, а также национализм. Так например, в энциклике *Regum poenitentiam* содержится предостережение против отмены частной собственности, причем сказаны пророческие слова, что эта отмена с неизбежностью приведет к «рабской зависимости всех ... и к повсеместному недовольству, вражде и преследованиям» (RN 12). Это антропологически правильное предостережение, если бы ему вовремя вняли, могло бы предотвратить немало человеческого горя.

Следовательно, КСУ понимает себя не как проект системы социального устройства, а как корректив. В этом оно отличается от всех христианских программ с установками на реставрацию, в которых новейшая культура просто-напросто отвергается и которые желали бы установить христианское общество. КСУ реально оценивает текущую социальную ситуацию и стремится изменить ее к лучшему. Как заявил специалист по социальной этике П.Г. Гундлах (P. G. Gundlach) на одном собрании 1929 г., «мы можем способствовать развитию лучшего мира лишь на пути его органического развития из того, что имеется, из добрых элементов имеющегося налицо. Именно это мы имеем в виду, когда, желая по-христиански реформировать социальные отношения, говорим о 'приспособлении' наших движений за реформы к наличествующим условиям».

Отцы II Ватиканского Собора, предложив понятие *aggiornamento* («обновления»), воодушевлялись той же самой основной идеей. Согласно названной идее, служение Церкви миру состоит в том, – и это выражено также в «Социальной Концепции» (СК) Русской Православной Церкви, – чтобы творить добрые дела (I.4) и занимать позицию (V.2), т.е. действовать в сфере благотворительности и со-действовать улучшению социального порядка посредством критики социальных учений. В последнем случае открывается путь для сотрудничества с людьми других конфессий (I.4).

В этом смысле в СК сказано: «Церковь призвана участвовать в устройении человеческой жизни во всех областях, где это возможно, и объединять соответствующие усилия с представителями светской власти» (III.8). В теологическом плане здесь содержится предпосылка, что хотя обожение мира во Святом Духе и остается собственной задачей Церкви, все же оно не совершается прямо лишь через его христианизацию. Обожение возможно и непрямым путем посредством добрых дел, служащих благополучию людей, и благодаря любой помощи им. Таков смысл притчи о Страшном суде (ср. Мф 25).

Соответственно КСУ и СК совпадают в своих основных принципах. Правда, в СК имеются противоречивые суждения, и можно заключить, что концепция принципиально отвергает всё новейшее время. Так, в одном месте сказано, что «секулярные системы не способны привести к гармонии», а в другом месте говорится, что Церковь «не может положительно воспринимать такое устройство миропорядка, при котором в центр всего ставится помраченная грехом человеческая личность» (XVI.4). Здесь за секулярным гуманизмом не признается никакой ценности, а такое, по моему мнению, не согласуется с основной линией аргументации в СК.

2. *Разделы СК, посвященные труду и собственности, (соответственно 6 и 7), а также экологии и глобализации (13 и 16) содержат важные суждения относительно социальной ответственности христиан и Церкви в экономической и социальной областях. Подход – преимущественно индивидуально-этический. Вопросы справедливого социального и экономического порядка по преимуществу оставлены за скобками рассмотрения.*

Специфика суждений современных социальных философов (о чем сказано в начале доклада) состоит в том, что справедливость понимается как итог присутствия справедливых общественных институтов, на первом месте – законов. Правым и справедливым

поступкам отдельного человека, индивидуально-этическому измерению справедливости не отводится никакой роли или в лучшем случае отводится подчиненная роль. А в христианской этике, равно как в этике других религий всё обстоит ровно наоборот: в библейских (ср., например, псалмы), а также в патристических текстах, равно как в нравственно-богословских трактатах речь в первую голову идет о правых поступках отдельного человека. Соответственно существенным вызовом для христианской социальной этики и всеобщей этики является опосредование этих двух подходов – традиционного индивидуально-этического и новейшего институционально-этического. Это я и хотела бы показать (в объеме отведенного мне краткого времени) на примере четырех тем, поднятых в СК.

1. Труд

Современная динамичная экономика характеризуется высоким уровнем разделения труда и механизации, а также включением женщин в трудовой процесс. Под трудовым процессом в данном случае понимается любая производственная работа, выполняемая за плату. Перед нами сужение общего понятия труда, поскольку из рассмотрения исключается домашний труд, а также экономика субсистенции. В этом смысле я и толкую суждение в СК, согласно которому «труд, с христианской точки зрения, не имеет абсолютной ценности» (СК VI.4). Это суждение, однако, не должно приводить к недооценке центрального места труда в индустриальных обществах. Ибо труд – нечто большее, чем «способ добывания средств к жизни» (СК VI.1). Посредством профессионального труда люди добиваются для себя социальной интеграции, труд занимает первостепенное место в развитии личности, а также в общественном признании человека, так что он (труд) становится *смыслом жизни*. Тем, у которых есть работа, труд дает возможность послужить другим людям и поделиться с нуждающимися (СК VI.4). Кроме того, для христиан труд – «это творческое раскрытие человека, которому в силу изначального богоподобия дано быть сотворцом и соратником Господа» (СК VI.1). Тем самым труд исполняет много различных функций.

Соответственно безработица становится центральной проблемой в развитых обществах. Она ведет не только к тяжким материальным последствиям, но и к общественной маргинализации. Она подрывает социальную ценность людей, оказавшихся не в состоянии вносить свой вклад в общественное благосостояние. Следствием нередко бывает также политическая радикализация. Она-то и была причиной, почему в папских энцикликах, начиная с *Regum novarum* 1891 г. и вплоть до *Laborem exercens* от 1981 г., к государственным деятелям обращен призыв проводить активную политику занятости как часть экономических и социальных усилий. Этот структурный вопрос, однако, исключен из рассмотрения в СК, равно как и проблемы гуманных условий труда и справедливой оплаты. Конечно, в условиях рыночной экономики государство не имеет прямого влияния на занятость, но оно (точно так же, как и по отношению к условиям труда и зарплаты) способно создать законодательные рамки, соответствующие требованиям справедливости.

Экономическому фактору труда отводится центральное место еще и потому, что системы социального страхования финансируются посредством (прогрессивного) налогового обложения и отчислений на социальное обеспечение всех трудящихся. Посредством законодательно установленного всеобщего обязательства совместно нести жизненные риски болезней, безработицы, инвалидности и преклонного возраста в европейских индустриальных обществах солидарность прописана также и институционально. Таким образом, экономика интегрируется в рамки установленного законом порядка. В этом-то и состоит основной собственный признак социального рыночного хозяйства, развившегося в Западной Европе преимущественно после Второй мировой войны.

Системы социального страхования представляют собой отрегулированный законом способ перераспределения «плодов труда», как того требует также СК. Правда, при этом остается открытым, должно такое происходить посредством благотворительных вложений или через законодательное регулирование.

В западно-европейских государствах сегодня мы оказались (по причинам, о которых не могу говорить) перед задачей преобразования этих систем социального страхования. Налицо сильная тенденция свести к минимуму институционно организованную солидарность и переложить всю ответственность за жизненные риски на плечи самого индивида. Подобное разрушение институтов социальной защиты, с христианской точки зрения, должно быть отклонено, поскольку оно однозначно невыгодно для неимущих и материально слабых и тем самым противоречит «ангажированности за бедных», представляющей собой основной принцип как КСУ, так и всей христианской этики. Именно в данной ситуации единая совместная позиция христианских церквей по вопросам социального порядка очень важна, хотя социальные условия в отдельных странах и могут диктовать свои приоритеты.

2. Собственность

Горький исторический опыт марксизма показал, что посредством изменения отношений собственности невозможно добиться изменения общественного порядка и человеческой природы (всегда стремящейся к наживе). Христианское богословие на пути своего исторического развития признало легитимность частной собственности, поскольку она выявляет предприимчивых людей, стимулирует индивидуальное усердие и личную ответственность. Но в богословии – причем это прописано и в СК – частная собственность подчинена заповеди любви к ближнему (СК VII.1). Собственность следует воспринимать как «дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним» (СК VII.2). Подобные суждения имеются также и в КСУ, где сказано, что «блага предназначены всем людям» (GS 69; CA 39). Соответственно частная собственность не есть высшая ценность, и она поставлена в зависимость от благосостояния всех. Обладание частной собственностью всегда налагает социальные обязательства, а они предполагают не только благотворительную деятельность, но и соответствующее экономическое и социальное устройство, в котором собственность распределяется таким образом, чтобы каждый человек имел «достаточно средств для достойного существования» (VII.1). Это сказано в адрес динамичного рыночного хозяйства, предполагающего аккумуляцию капитала в руках немногих.

В СК главное внимание направлено на выявление негативных сторон богатства (VII.2) и ментальности потребления, опасной для отдельного человека, поскольку «материальные блага не могут сделать человека счастливым» (СК VII.2). Подобный скепсис по отношению к богатству соответствует Евангелию, и он особенно важен в том числе для наших обществ. Перед лицом все увеличивающейся бедности действительно нужно четко требовать более справедливого распределения благ. Ибо – как говорится в энциклике *Centesimus annus* от 1991 г. – «государство должно создать правовые рамки, в которых может развиваться экономическая жизнь. Тем самым будет создана основная предпосылка для свободной экономики, предполагающая определенное равенство для участвующих лиц» (CA 40)

3. Экология

СК довольно подробно занимается проблемой угрозы окружающей природной среде, что следует особо приветствовать, поскольку этот вопрос до сих пор не находил

должного места в церковном социальном благовестии. Нарушение экологического баланса критикуется в СК как следствие «невиданного и неоправданного общественного потребления в высокоразвитых странах, где стремление к изобилию и роскоши стало нормой жизни» (СК XIII.1). Сказанное, несомненно, правильно. Но и здесь преобладает чисто индивидуально-этическая точка зрения: от людей требуют воздержания в потреблении, а этого мало. Чтобы воспрепятствовать разрушению природной среды и сохранить природные основы для жизни, прежде всего необходимы законодательные меры – такие, как налоговое регулирование выбросов вредных веществ в атмосферу или излишнего потребления энергии. В то же время, однако, необходима радикальная перемена сознания и моделей поведения потребителем, воспитание уважения к природе как самоценности. При этом наблюдается – как констатируется в СК – тесная связь между экологическим и духовным кризисом нашего времени (СК XIII.5).

4. Глобализация

Новые технологии привели к тесному взаимопереплетению всех областей жизни во всемирном масштабе, а это представляет собой одну из величайших опасностей для современности. Глобализация рынков в принципе создает новые условия для социальных и экономических порядков государств. Ибо отток капитала и рабочих мест в те страны, где наиболее низка зарплата или налоги, по своей тенденции ведет к подрыву национальных бюджетов. Тем самым отчасти, как было отмечено выше, на национальном уровне подрывается материальная база для солидарности при посредстве общественных институтов. Следовательно, глобализации экономики по необходимости влечет за собой глобализацию в политической области, т.е. создание наднационального порядка, который установит социальные и экологические рамочные условия. Так например, в докладе Лиссабонской группы экспертов предлагается заключение четырех международных договоров: договора об основных мерах по устранению абсолютной бедности во всемирном масштабе; договора о культуре, призванного стимулировать терпимость и межкультурные контакты; договора о демократии, который привел бы к распространению на весь мир демократических устремлений; наконец, договора о природных ресурсах, способного содействовать сберегающему ресурсы экономическому развитию в мире. Правда, до сих пор нет признаков реализации подобного устройства.

В разделе о глобализации СК особо выделена опасность выхолащивания национального суверенитета при помощи описанного мирового устройства. Тем не менее лишение полномочий национальных институтов в современной ситуации нередко совершается вследствие глобальной экономической деятельности, регулирование которой выведено из компетенции национальных инстанций. Соответственно и это регулирование в возросшей мере требует международного регулирования. Оно-то и является важной задачей христианских церквей на уровне международного права, в котором были бы учтены жизненные интересы малых и слаборазвитых стран, равно как, сверх того, и интересы неимущих слоев населения в этих странах. К этому прибавляется стимулирование региональных форм кооперации – таких, как Европейский Союз, – получивших также и в СК позитивную оценку.

Если подытожить: перед лицом сложности и структурных изменений в современных обществах требуется, наряду с индивидуальной моралью, также и такой социальный и экономический порядок, при котором были бы гарантированы гуманные условия жизни и справедливое их выравнивание. После Второй мировой войны в западноевропейских государствах было реализовано, в условиях рыночного хозяйства и социального государства, экономическое и социальное устройство, приблизительно соответствующее указанным

требованиям, и за него – при всей критике частных – несут ответственность также и христианские церкви. Это государственно-общественное устройство сейчас следует приспособить к условиям, изменившимся вследствие экологического кризиса и глобализации, но ставить его под вопрос – никак нельзя. Подобное социальное устройство, однако, устойчиво лишь тогда, когда в населении господствуют соответствующие ценностные представления. Готовность отказаться от альтернативного стиля жизни, желание проявить солидарность с неимущими и развивать соответствующую благотворительную деятельность – таков фундамент, на котором покоятся общественные институты и который придает им устойчивость.

3. Христианская критика экономического либерализма должна начинаться с критики его подхода, ориентированного на индивида и прибыль, и демонстрировать отсутствие у него собственной индивидуальной этики.

В этой связи хотелось бы коснуться трех пунктов.

1. Солидарность в противоположность установке на индивидуализм

Исходной точкой либеральной социальной философии является независимый индивид, который объединяется с другими индивидами для достижения таких целей, как свобода, безопасность и удовлетворение материальных потребностей. При этом упускается из вида, что человек с самого начала включен в социальные связи, т.е. что он является существом социальным. От начала своей жизни и до ее конца человек в своем выживании (а также в развитии) зависит от других людей. Соответственно имеется неразрывное взаимоотношение между личностью и обществом: «Из социального характера человека проистекает зависимость между успешным развитием человеческой личности и ростом самого общества» (Gaudium et Spes 25). Общество и государство не противопостоят индивиду, а являются частью его жизненной реальности, без которой он бы не мог существовать и в формировании которой он принимает участие. Эти социальные взгляды и должны ныне отстаивать представители христианских церквей, когда они критикуют теории, ориентированные только на индивида. Конечно, индивид, по причине своего богоподобия, имеет преимущество перед государством и обществом, но он в то же время зависит от них, будучи как получателем благ, так и плательщиком (налогов). Всё сказанное оказывает существенное воздействие на экономические концепции.

2. Принцип общественной пользы в противоположность принципу выгоды для индивида

Основой либеральной национальной экономики является индивид, способный извлекать максимальную материальную выгоду. Таково не только эмпирическое наблюдение, но и подспудное этическое суждение: когда люди имеют все возможности для извлечения своей выгоды, они якобы одновременно наилучшим образом стимулируют и общественную пользу. Но подобная гармония индивидуальной и общественной пользы в реальности наблюдается лишь в редких случаях. Если объявить ее абсолютной, то возникнет «примитивный оптимизм механистической природы» (Sollicitudo rei socialis 27,2), проистекающий от секулярной веры в Божественное предназначение. Этот оптимизм нельзя оправдать, и не только теоретически. Его ложность доказана историческим опытом XIX и XX вв., который свидетельствует, что рыночная экономика без социальных законодательных ограничений ведет к крайним формам социального неравенства. Соответственно хотя рыночные механизмы и способны гарантировать наилучшее использование ресурсов, они не обеспечивают их распределения ради всеобщей выгоды. Обеспечить ее входит в задачу государства и политиков.

3. Солидарность и конкуренция

Одна из предпосылок экономической теории состоит в том, что конкуренция между производителями якобы ведет к оптимальному пользованию ресурсами. Такое справедливо, однако, лишь тогда, когда конкуренция проходит путем регулирования, т.е. в правовых и нравственных рамках. Экономическая конкуренция должна протекать по правилам уже существующего нравственного и социального порядка, который она сама создать не способна. Между тем это осталось незамеченным в современном «Credo о конкуренции» (доклад Лиссабонской группы).

4. Индивидуалистическая этика и институциональная этика

Английский писатель К.С.Льюис (C.S. Lewis), говоря об этике новейшего времени, однажды привел удачный образ из сферы флотоводства: новейшая этика интересуется единственно упорядоченным построением флота, но не интересуется мореходной пригодностью отдельных судов. Такое объясняется тем, что эта этика в сущности исходит из того, что человек сам по себе хорош. Но христианство стоит на другой точке зрения. В согласии с ней, всякое благо (или всякое зло) коренится в человеческом сердце (Gaudium et spes 10). Соответственно в СК сказано: «Церковь обращает преимущественное внимание не на систему внешней организации государства, а на состояние сердец ее членов». Как я старалась разъяснить в своем докладе, не может быть и речи, чтобы установить искусственную противоположность. Речи нет ни об одностороннем подчеркивании индивидуальной морали, ни об односторонней институционально-этической точке зрения. В том обществе, в котором не признается как ценность и не осуществляется солидарность со слабым, окажется затруднительным принять и провести в жизнь соответствующее правовое регулирование. Индивидуально-этические и институционально-этические усилия должны идти рука об руку и совместно быть двумя источниками нравственности.

Уяснить ситуацию современной жизни – такова первоочередная задача христианских церквей. Это особенно касается вопросов социального и экономического порядка. С одной стороны, при этом следует признать, что во многих концепциях нашли свое отражение христианские по происхождению принципиальные идеи любви к ближнему и справедливости. Марксизм представляет собой устрашающий пример того, как такие принципиальные установки, как справедливость и равенство, включенные в ложную философскую систему, в реальности могут привести к совершенно плачевным результатам. Поэтому христианская критика идеологий и несправедливости в любом проявлении служит гуманизации и тем самым освящению мира, который в конце времен Богом будет приведен к совершенству. Бог создаст «новое небо и новую землю, на которых обитает правда» (2 Пет 3:13).

Перевод выполнен 29 августа 2003 г.

Вопросы и выступления

4 блок: Доклады Эдуарда Афанасьева и Ингеборг Габриэль

Габриэль:

Меня удивило, что конкретные социальные проблемы, подобные проблеме бедности, имеющиеся в любом обществе, в том числе и в России, не были затронуты ни в социальной концепции, ни в Вашем докладе. В чем причина? Ведь в Русской Православной Церкви определенно имеется традиция отношения к ним.

Афанасьев:

В начале своего доклада я привлек внимание присутствующих к названию документа: это всего лишь «основы» социальной концепции. Когда мы обсуждали социально-экономические разделы, у нас было искушение расширить их и дать оценку весьма многим проблемам, в том числе, например, и тех, которые Вы сейчас назвали. Это правда, что они так и не были поставлены. Да, Вы справедливо констатировали, что определенные вопросы, действительно, не рассматриваются, как, например, трудовые отношения или безработица. Не затронута проблема налогообложения. Нет также анализа природной ренты, этого главного источника обогащения наших олигархов. Всё это в социальную доктрину не вошло. Но если уж я взялся отвечать на вопрос, то в качестве примера остановлюсь на безработице. У нас нет развернутого социально-экономического послания от Церкви к обществу, мы располагаем всего лишь основами концепции. Если на Западе проблема безработицы является традиционной проблемой, то для нас этот вопрос возник лишь в недавнее время. Когда мы начинали работать над социальной концепцией, безработица составляла 12,6%; теперь она составляет менее 6%. Имеются регионы, где безработица доходит до 2%, и регионы, в которых она в три-четыре раза выше, чем в таких странах, как, например, Португалия или Испания. Можно сказать, что безработица в России имеет в разных регионах различный характер. Так что если бы мы стали составлять всеобщую экономическую доктрину, то нам пришлось бы, вероятно, учесть и эти проблемы. Но Церковь разработала богословский документ, и соответственно не получила развернутого анализа даже такая важная для нашей страны и, по моему мнению, вероятно, для всего мира проблема, как перераспределение собственности и богатства. И всё же не соглашусь с Вашей критикой, что проблема перераспределения собственности якобы совсем не содержится в концепции. Когда готовился этот раздел, у нас разгорелись долгие споры, а под конец мы пришли к заключению, что важнее всего дать богословское разъяснение по этому вопросу. И оно дано во фразе, которая, по моему мнению, едва ли станет кем-то оспариваться в России. Таково положение раздела VII-3: «Насильственное отторжение и передел собственности с поправками прав ее законных владельцев не могут быть одобрены Церковью. Исключением может быть такое отторжение собственности на основе соответствующего закона, которое, будучи обусловлено интересами большинства людей, сопровождается справедливой компенсацией. Опыт отечественной истории показывает, что нарушение этих принципов неизбежно приводит к социальным потрясениям и страданиям людей»¹. У нас были две революции – первая революция 1917 г. и вторая, если хотите, экономическая революция 1990-х годов. Полагаю, стало быть, что Ваше замечание, вероятно, не совсем точно. В социальной концепции эта проблема рассматривается, но это такое рассмотрение, которое имеет непреходящий, вневременной характер.

Габриэль:

Как, однако, должно конкретно выглядеть соотношение между частной и общественной собственностью? Так, в экономической науке имеется направление, сторонники которого даже любое изъятие налогов уже считают нарушением права на частную собственность. Какова Ваша точка зрения?

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Сборник документов и материалов юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2001, с. 203. – *Прим.перев.*

Чаплин:

Как сегодня уже упоминалось, наш документ представляет собой всего лишь «основы». Его можно сравнить с зародышем, полная жизнь которого еще впереди. Мы продолжаем работать. В России уже состоялось несколько конференций по проблемам социальной этики. И открою тайну: достигнуты договоренности. Небольшая группа специалистов уже приступила к составлению кодекса нравственности в сфере экономики, и мы предполагаем представить его для обсуждения предпринимателям, правительству, профсоюзам. Группа состоит, так сказать, из камикадзе. Не стану называть имен, но в эту группу входит и один весьма известный политик. Он принадлежит к коммунистическому спектру и является пламенным противником либеральных воззрений. Кстати сказать, в прошлом он был министром в правительстве реформаторов, а сейчас входит в коммунистическую фракцию Думы. Второй человек – ректор известного экономического университета: ранее он разрабатывал планы экономической реформы, так что, следовательно, находился в гуще начинаний Гайдара. Третий участник – это дама, в настоящее время работающая в правительстве; она занимает между двумя этими людьми промежуточную позицию. Кроме того, в эту группу входит и моя мерность, а также несколько молодых экономистов. Настроение в нашей рабочей группе после каждого из заседаний можно, собственно, свести к одному: давайте всё бросим, продолжать нет смысла. Невзирая на это, нам уже все-таки удалось составить хотя бы краткую версию документа, которая, однако, отличается полной ясностью. Мы намереваемся сначала обсудить этот текст совместно с экономистами, а только после того, после обсуждений в узком кругу, представим его общественности. В подготавливаемом документе мы затрагиваем вопросы налоговой политики, бегства капитала из России и с особым вниманием говорим об обязательствах работодателей перед трудящимися. Весьма однозначно говорим и о том, что значительная часть денег в России находится в тени. Я не уверен, что мы быстро доведем документ до конца, поскольку, как Вы знаете, у нас предстоят выборы, но когда нам все-таки удастся завершить этот кодекс, это будет документ, который, как представляется, отразит позицию Церкви. Он будет опубликован как мнение группы специалистов от лица церковного народа. Следует учесть, что в православном сознании все-таки превалирует мнение, что прагматическая сторона жизни человека не должна акцентироваться в слишком большой мере. Стало быть, не столь важно, что ты производишь продукт, а важен настрой, с которым ты это делаешь, даже если этот продукт служит благой цели, например, благотворительности. Православные убеждены в том, что Бог будет судить о человеке не по списку всех тех вещей, которые он произвел, но по намерениям, которыми он руководствовался в своей деятельности. В монастырском предании есть такой рассказ. Молодой человек, послушник, поступает в монастырь, и настоятель поручает ему сажать морковь и свеклу, но так, чтобы корни были на поверхности, а листья – внизу. Молодой человек, будущий монах, весьма удивился, но настоятель сказал ему: делай так, и если будешь трудиться от чистого сердца и с благим намерением, не погресишь.

Габриэль:

Полагаю, у Бога всё же засчитывается и то благо, которое возникает вследствие поступков, а не только намерений. Соответственно я высказалась бы против того, чтобы противопоставлять друг другу последствия действий и благих намерений, хотя и могу в целом принять Вашу аргументацию.

Осипов:

Сначалаотреагирую на последнее замечание. Для большей наглядности приведу пример. Предположим, некто творит много очевидного для всех добра, дал деньги на устройство детского учреждения, построил больницу и т.п. Но действительно ли это добро христианское? Со стороны трудно ответить на данный вопрос, если не известны истинные мотивы этой деятельности. Возможно, человек благотворил, исходя из чувства милосердия и исполнения заповеди о любви к ближнему. Но не исключено, что это пропагандистские шаги перед выборами, ведется просто борьба за голоса избирателей. И в таком случае здесь нет христианского добра, напротив, совершается даже грех лицемерия. Привожу этот пример, как иллюстрирующий мысль о. Всеволода Чаплина. Она наглядно подкрепляется и историческими фактами. Так, у нас перед революцией 1917 г. было построено много церквей, скитов, благотворительных учреждений. Но люди, обладающие духовным опытом, предупреждали: поскольку многое возводится не в силу церковной необходимости и по мотивам совсем религиозным, а из элементарного тщеславия, искания славы, то оно будет непрочным. И действительно, в результате событий 1917 г. все это великолепие было очень скоро сметено с лица земли. Такова сила духовных законов. Ложное духовное состояние неизбежно приводит к кризисным последствиям во всей нашей внутренней и внешней жизни.

В этой связи хотелось бы сказать и по поводу доклада г-жи проф. Габриэль. Речь пойдет о главной мысли доклада, как я ее уловил, а именно: о взаимоотношении индивидуальной и социальной этики. Вся история человечества свидетельствует о постоянном поиске и созидании новых форм и структур общественной жизни. Иногда процесс бывает мирным, иногда – кровавым: революции и войны также по-своему были нацелены на идею некоего всеобщего блага. В эпоху гуманизма многие люди были убеждены, что через два-три века для человечества начнется золотая эра. А каков результат? XX-й век стал, вероятно, одним из самых кровавых. Ни в одну другую историческую эпоху не погублено столько человеческих жизней, как в XX-м веке. Вероятно, действительно существует закон, согласно которому социальные формы жизни обусловлены общим духовным состоянием народа. В Основах социальной концепции как раз об этом и говорится, а именно: о первостепенном значении духовной стороны жизни человека и ее законов для его не только вечного, но и земного блага. Ибо эти законы, как исходящие от Бога, объективно присущи нашему миру и определяют все его бытие.

Еще одно маленькое замечание относительно учения о. Сергия Булгакова. Разрабатывая свое социальное учение, он высказал не только ту идею, о которой Вы упоминали. О ней он говорит, как об одной из крайних, ошибочных. Он назвал ее идеей «безземельного неба». Когда мы заботимся только о небесном и игнорируем земные потребности, говорит он, то впадаем в своего рода антропологическое монофизитство. Но отец Сергей не забыл сказать и о другой крайности, названной им «безбожной землей»: когда мы всю душу отдаем на искание земных благ и бываем настолько охвачены заботами о благосостоянии этой жизни, что напрочь забываем и Бога, и вечность. Правильное решение проблемы Булгаков видит в таком гармоничном единстве человеческих устремлений, при котором учитывались бы запросы, как духа, так и тела человека, при господстве, однако, духа над телом. Он предлагает нечто подобное тому, что в догматике соответствует принципу христологического ороса Халкидонского Собора. Во Христе Божественная и человеческая природы, соединившись, остались неизменными, не смешались, и каждая из них жила, скажем условно, в своей сфере, своими запросами. При этом человечество Христа полностью

следовало Божественной воле. Так должно быть и в нашей социально-экономической деятельности. Возможно, на этом пути мы отыщем ее наилучшие формы.

Marte:

Вы, несомненно, полностью правы. XX-й век был самым кровавым, ни одно другое столетие не дало столько христианских мучеников, сколько век XX-й. Почему? Две тысячи лет мы воспитывали человека в христианском духе: говорили о грехе, о чистом сердце, уделяли особенно много внимания Небесному Царствию. Вследствие этого в XIX в. мы утратили влияние на рабочих. Разве не правда, что глубинной причиной марксизма, временной победы коммунизма, было то, что мы слишком много рассуждали о собственной вине и греховности, слишком много толковали о небе и не уделяли внимания тому, чтобы наши христианские идеи учитывались бы при принятии законов и создании общественных учреждений? Если бы справедливость в области трудовых отношений восторжествовала ранее, уже во времена Манчестерского либерализма, и если бы христиане упорнее боролись за принятие христианских законов, тогда можно было бы, вероятно, предотвратить пагубу марксизма. Ведь марксизм появился на Западе. Маркс родился на Рейне. Но в Европе посредством того, что уже давно осуществляется принцип разделения властей, а в XIX в. посредством множества христианских объединений и школ и неслыханного числа христианских учреждений все-таки удалось христианское духовное богатство внедрить в народ настолько глубоко, – и в этом-то и состоит моя точка зрения, – что марксизм не смог проявить себя в радикальной форме. Но марксизм после революции был принят в России с распростертыми объятьями, хотя сам Маркс даже прогонял от себя российских революционеров. По его мнению, Россия еще не созрела для его теории. Сейчас не буду говорить пространно, скажу только об одной идее, о которой недавно прочитал у одного богослова – у Иоганна Баптиста Меца (Johann Baptist Metz), богослова в сфере политики, известного прежде всего выражением «*memoria compassionis*» («память сострадания»). Мец полагает, что церкви, и при этом он имел в виду также и Католическую Церковь, даже прежде всего Католическую Церковь, в прошлом слишком много говорили о грехе и слишком мало об участии в страдании другого человека. Мец полагает, что Христос осуждал прежде всего отказ от сострадания. По мнению Меца, деятельное участие в страдании другого человека могло бы стать всемирной программой христианства эпохи глобализации.

Вейлер:

Протоиерей Чаплин, говоря о природах Христа, привел общеподобословские аргументы, а когда судил о сочетании в Нем Божественной природы с человеческой, аргументировал христологически. Меня же интересует вот что. Может быть, допустимо когда-то заняться антрополого-богословской проблемой – нет, не сущностью Христа, а сущностью человека? Человек – создание земное, тварное, и он устлавает свою земную судьбу в свете собственного разума. Подключается и свет Евангелия, но все люди все-таки обладают своим разумом и, стало быть, не могут быть абсолютно порочными. Если так, то человек, в силу своей природы, своих установок, интеллекта, воли и ответственности, не может не искать собственного пути и в социальной сфере, ведет он ко греху или к успеху. Выскажусь и по вопросу, почему в России восторжествовал марксизм. Церковь, будучи посредницей, действительно прежде всего сохраняла великую традицию веры в Бога и целиком сосредоточилась только на проповеди Евангелия,

вследствие чего она позволила поставить себя на службу государственной власти. Если привести историческую аналогию, то в России не сложилось то, что со времени Папы Льва Великого развивалось на Западе, а именно: отделение Церкви от государства. Такое отделение, естественно, для Церкви весьма нужно: иначе она не может занимать самостоятельную позицию *вопреки* государству. Такова линия развития всей западноевропейской истории. Так почему же именно на Востоке смог победить марксизм, воспринятый группкой идеологически ангажированных авантюристов, сознательно создавших антихристианскую империю? Потому что у Церкви не было прочного места перед лицом государственной власти, не было критической позиции. Верующие обладали определенным евангельским мировоззрением, но не умели давать оценку политической реальности. Эта ошибка обошлась дорого. Архиеп. Хризостом из Англии сказал мне однажды, что у православных есть социальное учение, и важнейшим источником на эту тему являются «Откровенные рассказы русского странника»!¹ И в диалогах, которые мы на протяжении десятилетий проводили как с коммунистами, так и с православными богословами, от последних слышали: социальное учение у нас есть. Но где же оно? У отцов Церкви! В России не совершился переход к Новому времени, к современности. Соответственно церковные люди оказались беззащитными перед лицом идеологических преступников, и они сдались, хотя и стали мучениками. Как всё это согласуется с природой человека и со светом его разума, который опосредуется Церковью, несущей людям свет Евангелия?

Чаплин:

Благодарю Вас, г-н профессор, за весьма интересное замечание и за поставленные вопросы. Вероятно, мне легче отвечать, исходя из близкой мне антропологической точки зрения. Согласно православному пониманию, земной человек не есть существо, предопределенное к добру. Это правильно, что человек, конечно, получил в свое распоряжение от Бога высокие душевные качества, включая разум, но впоследствии образ Божий в человеке исказился и затемнился. Стало быть, человек, предоставленный самому себе и не обновленный Богом посредством усилий Церкви, сам по себе прийти к добру не способен. Конечно, человек, вероятно, способен совершать формально добрые поступки, но если он их совершает, например, ради тщеславия, гордыни и т.д., то тогда они не имеют цены и, собственно, добрыми делами не являются. Иными словами, назвать православных христиан социальными оптимистами – довольно трудно. Мы вполне всерьез воспринимаем книгу Апокалипсиса и убеждены в том, что чем свободнее будет развиваться человечество, тем ближе подойдут последние времена. Примечательно, что, как мы сегодня слышали в докладе г-на проф. Осипова, глобализированная централизованная власть в известном смысле уже является предзнаменованием апокалиптического конца времен. Перехожу к Вашему второму вопросу. Не могу судить, насколько велико участие и сколь велика вина церквей в том, что власть захватывали все эти марксистские, коммунистические или фашистские силы. Конечно, определенная доля вины, вероятно, есть. Очевидно, что церкви России, Германии, Италии не хотели вступать в открытый конфликт с большинством общества. Здесь-то и заложена проблема: когда возобладал коммунизм или марксизм, то его поддержала значительная или даже подавляющая

¹ Имеется в виду кн.: Откровенные рассказы странника духовному своему отцу (см., например, издание Введенской Оптиной Пустыни 1991 г.). В англоязычном мире «Откровенные рассказы» известны под именем «The Way of a Pilgrim». – *Прим.перев.*

часть населения. Например, так было в России в 1917 г. Обе революции поддержала примерно половина аристократии, часть духовенства, большинство рабочего класса и вообще всего населения. А Церковь привыкла становиться на сторону господствующего мнения в народе. Для Церкви было весьма трудно сказать в подобной ситуации: вы все не правы, и мы вступили на путь погибельный. Конечно, сторонники такого мнения присутствовали в России, также и в Германии и т.д., но это все же были единицы. У нас, например, в России возник церковный раскол обновленчества, т.е. новой церкви, где вообще примерно половина иерархии и духовенства этой вновь основанной церкви поддерживали коммунистическую идеологию. Известные профессора богословия, популярные священники ушли в этот раскол. Они заявляли, что должны идти в ногу с общественным мнением. Теперь напрашивается другой вопрос: убеждены ли мы в том, что складывающееся сейчас социальное устройство на самом деле является хорошим? Власть и деньги все больше концентрируются в руках тех людей, которые не имеют легитимизации посредством выборов. Демократия демократией, но весь политический, экономический, информационный процесс, собственно, контролируется не посредством демократических механизмов, а большим бизнесом и отчасти бюрократией, национальной или международной, средствами массовой информации, магнатами. Возможно, в будущем какой-нибудь умник задаст нам вопрос, подобный Вашему. А где была Церковь, когда возникало всё это? Почему Церковь своевременно не возвысила своего голоса протеста?

Вейлер:

Суду человеческой совести доступны основные ценности и основные события жизни. Совесть должна соединиться со светом Откровения. Представить себе Церковь, мышление которой проходит в территориальных, национальных категориях, сейчас возможно только для Восточной Европы. Между тем прав Папа Римский, Римский Патриарх, который сказал: Европа дышит двумя легкими. И Церковь Европы, христианской Европы, никогда не выживет как церковь для одной Европы. Нас – естественно, в числе других народов – Америка во Второй мировой войне извлекла из изоляции, и мы все, слава Богу, стали всемирной Церковью, универсальной Церковью, универсальным человечеством. А совестью обладает человек, а не мир. Люди ответят перед Богом каждый за себя, и у каждого человека есть шанс воспринять свет Божий через посредство Церкви. И для нас пришло время, наконец, преодолеть национальные предрассудки и стать всемирной Церковью, с сохранением особенностей. В этом-то, вероятно, и состоит проблема для Православной Церкви: она хотела замкнуться сама в себе. Сейчас, надеюсь, она больше не хочет жить только для себя. Она принимает участие в судьбе человека, в воспитании его совести и его разума, прививает людям чувство ответственности и приносит всем свет евангельского разума. Обеспечен ли успех? Человечество должно осуществить выбор, вероятно, с помощью техники и средств массовой информации.

Schlussbemerkungen

Chaplin:

Natürlich haben wir eine gemeinsame Verantwortung für ganz Europa und für die ganze Welt. Aber ich bin der Ansicht, es müsste bei der Verwirklichung dieser Verantwortung eine Harmonie zwischen nationalen und der universalen Zielsetzungen geben. Nur so kann man Übereinstimmung erreicht werden.

Krammer:

Ich habe den Eindruck bei diesen Gesprächen, die geführt worden sind z.B. über die Individualethik, über die Sozialethik, über die Ausgerichtetheit auf eine Nation hin oder auch über die universelle Dimension unseres christlichen Auftrags, dass es sich dabei nicht um Gegensätze handelt. Es ist nicht die Frage, ob die eine Sicht richtig und die andere falsch ist, sondern für mich ergänzen sie sich gegenseitig, und es liegt auch im Heilsplan Gottes, dass jede Kirche aus ihrer Berufung, aus ihrer Erfahrung heraus eben ihre Schwerpunkte und Präferenzen setzen kann. Die Orthodoxe Kirche wird vielleicht mehr die individuelle Umwandlung, die innere Erneuerung des Menschen immer wieder anfordern. Der praktische Mensch des Westens wird wahrscheinlich versuchen, stets auf die Notwendigkeit der Änderung der Strukturen hinzuweisen. Aber ich glaube, es wäre schön und erstrebenswert, dass beide christlichen Zugangsweisen einander ergänzen und dass so das Faktum, dass wir Schwesterkirchen sind, wiederum ein bisschen mehr in das Bewusstsein und in die Tat umgesetzt würde.

Marte:

Die Sozialkonzeption der russischen Kirche ist wirklich ein historisches Ereignis – man verbindet ja mit ihr Zukunftsperspektiven der Christenheit, nicht nur für Russland –, und ich glaube, wir haben den Auftrag oder den Wunsch auch, den Dialog, diese Diskussion nicht mit dieser wissenschaftlichen Enquete zu beenden, sondern weiterzuführen.

Gabriel:

Ich möchte zuerst sagen, dass ich dieses Gespräch sehr inspirierend gefunden habe. Ich gebe Herrn Kollegen Krammer Recht: Es sind viele Komplementaritäten in der Sichtweise offenbar geworden. Mit dieser Sozialkonzeption ist neuer Boden beschritten wurde. Ich habe es auch sehr interessant gefunden, was Erzpriester Chaplin über die Weiterentwicklung gesagt hat, gerade auch im Hinblick auf ökonomische Fragen, und ich halte es für gut, wenn die Referate einschließlich der sehr lebendigen Diskussionen in einer Publikation zusammen gefasst würden. Dies könnte die Basis für weitere Dialogprozesse dieser Art sein. Man muss dann nicht immer wieder von vorne anfangen, sondern kann auf bereits Gesagtes zurückgreifen.

Marte:

Ich wollte sagen, das Bischof Hilarion bereits eine Initiative ergriffen hat, was die Verbreitung betrifft, er möchte in den elektronischen Newsletters „Europaica“ des Büros der russischen Kirche in Brüssel die Referate in deutscher Sprache aufnehmen. Das ist eine sehr gute Initiative, die wir sofort dankend angenommen haben.

Chaplin:

Darf ich noch einige Worte sagen in Anbetracht dessen, dass unsere Zeit zu Ende geht. Ich möchte noch einige Bemerkungen machen, die in dieselbe Richtung gehen. Wir haben in der vergangenen Woche zusammen mit dem Metropoliten Kirill eine Besuchsreise zum Zweck der Verbreitung der Grundlagen der Sozialkonzeption der Russischen Orthodoxen Kirche im katholischen Milieu unternommen und waren Gäste der Katholischen Kirche und katholischer gesellschaftlicher Institutionen. Wir waren bei einer Tagung in Aachen und sind dort mit Kardinal Etchegaray, Kardinal Kasper und mit anderen Vertretern der katholischen Hierarchie zusammengetroffen. Sehr interessant und fruchtbar war auch das Zusammentreffen hier in Wien mit Kardinal Schönborn. In Aachen ergab sich eine ebenso lebendige Diskussion wie bei dieser Tagung. Alle verstehen, wie schwierig es ist, die theologischen Differenzen zu lösen, die zwischen der Katholischen Kirche und der Orthodoxen Kirche bestehen. Es existieren auch aktuelle Komplikationen, die alle kennen. Wir haben die Hoffnung, dass diese Komplikationen auf die eine oder andere Weise gelöst werden können. Man wird sie lösen können, wenn von beiden Seiten die Bereitschaft besteht, im Dialog konkrete Resultate zu erreichen und ihn nicht für andere Ziele zu missbrauchen. Aber unabhängig davon, wie diese schwierigen Probleme gelöst werden können, ist es für mich offensichtlich, dass die Notwendigkeit eines gemeinsamen Auftretens unserer beiden Kirchen vor der Öffentlichkeit angesichts der vielen offenen Fragen gekommen ist. Viele Menschen in der heutigen Welt erwarten das von unseren Kirchen, und zwar dass die Orthodoxe Kirche und die Katholische Kirche gemeinsam vor der Weltöffentlichkeit aufstehen und zu den zahlreichen drängenden Problemen der Gegenwart Stellung beziehen. Es handelt sich um solche Probleme wie z. B. die Schaffung idealer Voraussetzungen für die Integration Europas, weiters verschiedene Konflikte, Fragen der Bioethik heute, wirtschaftliche Fragestellungen, aber auch zwei Probleme, über die auch Metropolit Kirill gesprochen hat, die Frage der Macht und die Frage der Werte. Auf diese Fragen müssen wir eine gemeinsame Antwort geben. In welcher Form das möglich ist, darüber müssen wir noch nachdenken. Wir sind für solche Überlegungen ganz offen. Der einzige Wunsch dabei ist der, dass die Früchte eines solchen gemeinsamen Nachdenkens möglichst allen bekannt werden mögen. Bischof Hilarion hat ganz richtig sofort die Initiative ergriffen und sich bemüht, die Ergebnisse dieser Konferenz ins Internet zu stellen. Man kann auch über andere Möglichkeiten der Verbreitung unserer Ergebnisse in den Massenmedien nachdenken. Bisweilen macht man mir den Vorwurf, dass ich zu sehr medienorientiert und zu konzentriert auf Journalisten sei; ich bin jedoch überzeugt, dass all das für viele Menschen sehr interessant sein würde, wie es auch für diejenigen interessant war, die zu unserer Konferenz gekommen sind. Meinerseits würde ich auch eine Publikation der Ergebnisse der Konferenz in russischer und deutscher Sprache begrüßen.

Übersetzung der russischen Diskussionsbeiträge ins Deutsche: DDr. Johann Kramer